

12+

Демиденко Светлана
Светик-мёдик

Светлана Демиденко

Светик-мёдик

«Автор»

2017

Демиденко С. В.

Светик-мёдик / С. В. Демиденко — «Автор», 2017

Моя книга написана на основе моих воспоминаний о моём советском детстве. О моей семье, о моих подружках, о том, что вызывает лёгкую грусть и ностальгию.

© Демиденко С. В., 2017

© Автор, 2017

Светлана Демиденко

Светик-мёдик

Говорят, когда начинаешь вспоминать детство, значит наступает старость... Пусть так! Но, действительно, хочется ощутить себя хоть на миг, – безмятежной, беззаботной, счастливой так, как можно ощутить себя только будучи ребёнком.

Приехали вчера на дачу, заходим в дом и, – запах, как в деревне Королёвка, где провела всё детство. Через секунду уже не чувствую именно этого запаха, но на миг было ощущение, что что-то вернулось, что давно потеряла.

Иду по дорожке от дачного домика до магазина. Впереди, не торопясь, идёт какая-то баба. На ней платье. Раз, щелчок! Из такой, почти, ткани были сшиты шторы в доме деревенских родственников, по фамилии Десятковы. Шторы из штапеля с изображением пёстрых берёз!

Мне 50 лет! Я ни разу, лет 40-45 не вспоминала эти шторы и вдруг эта тётка! Что-то щекочет в носу. Хочется не просто плакать, а залиться слезами!

Вообще, меня зовут Светлана. Фамилия Демиденко. От мужского имени Демид. Но многие думают от слова мёд! В школе меня никак не называли, кроме, как по фамилии и имени. Когда пошла учиться дальше и работать, стали называть Дёма. И даже бывший муж меня всегда называл Дёма. Но одна девчонка, с которой вместе работали называла меня всегда Светик-мёдик! И мне это очень нравилось! Отсюда и название моей повести-ностальгии.

В деревне Королёвка, что находилась в Татарском районе Новосибирской области, жила моя бабушка Марфуша, – мама моего папы – Владимира Александровича Демиденко. Почему-то она постоянно носила чёрное плюшевое пальто, может я путаю, но мне кажется, она всё лето в нём ходила.

Дом был небольшой – две комнаты и сени. Одна комната, почему-то была выкрашена в красный цвет. И пол, и стены, и потолок, и крюк в потолке, на который, когда-то, была подвешена люлька, в которой качали маленького папу. На стене в этой комнате висел ковёр-холст, на котором маслом были нарисованы какие-то русалки-матрёшки с красными щеками. По стенам были развешаны некрасивые багеты с черно-белыми снимками фотографий, которые были вставлены под стекло по несколько штук.

В другой комнате была русская печка, на которой всегда стояла фляга с брагой, что в принципе было запрещено, но водилось, практически, в каждом деревенском доме.

С этим делом была такая история.

Пришла специальная комиссия в дом проверять, кто варит самогон и брагу. Меня силком посадили на печку и задёрнули маленькой шторкой, которая там была. Решили сообщить проверяющим, что там спит ребёнок и не стоит мешать. А я подумала, столько в доме гостей, а я такая городская, красивая и никто меня не увидит! Как это так! Я раздвинула шторы, оппа! Вот она я!

Злая баба Марфа подошла и резко задёрнула шторы. А я то ещё противнее, – шторы в сторону!

Короче, -меня с печки. Флягу – с печки. И вылили всё содержимое фляги во дворе в землю! Может ещё и штраф предъявили, не знаю. Но все на меня были злые.

Трава во дворе, кстати, была такая кудрявая, с листиками. Трава-мурава её все называли. Бегать босиком было по ней – одно удовольствие! Ножки приятно утопают в прохладной траве! Одно плохо, – в куриный, да утиный помёт часто наступали мои ноженьки! Для питья домашних птиц в нашем дворе лежали, разрезанные вдоль старые шины от грузовика, наполненные водой. Цыплят, утят был полон двор. Смешно было смотреть на курят – подростков! Такие дурачки с маленькими гребешками набекрень!

А у соседей были гуси. У Князевых, что жили в доме напротив нашего и Пузанов, – через забор. По правую руку.

Сколько те гуси принесли мне горя! Я их ненавидела и, естественно, боялась.

Они гнались за мной, вытянув шеи и щипали нещадно.

Позже, когда я была в гостях у родни в соседней деревне Юхленка, после того, как меня ущипнул их гусь, один из троих моих троюродных братьев, шмякнул того гуся за шею об землю, – тот и помер! Попало ли брату, не помню. Съели ли того гуся, – не знаю. Но думаю, что не выбросили.

Зато, сейчас только подумала, за меня кто-то затупился! Да ещё мужчина! Что-то я, практически, и не вспомню, чтобы кто-то за меня в этой жизни заступился. Защитил.

В Юхленке, кстати, нам всегда стелили постель в комнате, где над железной панцирной кроватью висел ковёр-холст с нарисованными страшными львами – чудовищами. Они были такие страшные, с разверзнутыми пастьями, что я боялась оставаться в этой комнате одна, а тем более засыпать.

В доме бабы Марфы на подоконниках, что находились внутри двух стёкол окон всегда лежала вата с ёлочными игрушками. Вата была грязная, игрушки тоже запylённые. Почему-то их никто не доставал после Нового года. Окна тоже были какие-то желто-серые, засиженные мухами. Мои двоюродные братья спали на полу возле печки и на их приоткрытых губах всегда сидели мухи. Бр-р-р! Баба Марфуша отгоняла их и лупила мухобойкой, с каждым шлепком смачно приговаривала: «сука!» А я, раза два, помню, разбивала эти окошки и заявляла, что мне в них ничего не видно! На меня ругались, что-то объясняли. А я заявляла: «Ничего! Алёша Князев вставит!» дядя Алёша годился мне в отцы и был местным стекольщиком. А то, что за работу и стекло надо было платить, у меня мозгов не хватало. И платить, видимо, было нечем. Поэтому, несколько окон, помню, были заткнуты подушками.

Когда мы уезжали домой, баба Марфа, наверное, вздыхала с облегчением!

А мы собирали два картонных коричневых чемодана с гостинцами. Это были курицы и яйца. Каждое яйцо мы заворачивали в клочок газеты, чтобы не побились в чемодане. Я сильно любила заворачивать эти яйца! Откуда только газеты брали, не знаю, потому что в туалете вместо бумаги были лопухи. И из-за таких удобств я не любила деревню и не сильно люблю теперь дачу. Я – городская вошь!

Когда ходила с двоюродными-троюродными братьями-сёстрами в лес – околос, (так называли в деревне небольшие леса), за ягодами, грибами, – я никогда ничего не находила.

Все насобирают лесной клубники-земляники, костяники по ведёрочку-бидончику, а я – кружечку. Меня раздражали насекомые, типа кузнечиков, которые прыгали на меня, а я от страха мычала, потому что думала, если начну орать, они запрыгнут мне в рот. А деревенская детвора просто помирала со смеху, глядя на меня.

Зато меня полюбил мальчик – сосед Шурик Пузан. Каждый деревенский пацан мне об этом говорил, да напоминал. Но мальчик с такой фамилией не имел ни одного шанса на успех! А тем более, если ещё вспомнить, сколько горя мне доставили их гуси!.. (Недавно только узнала, нашла на сайте в Одноклассниках: вырос тот Шурик в интересного парня, стал зажиточным фермером, имеет хорошую семью).

Перед тем, как пойти в первый класс у нас с мамой была дальняя поездка в Гагры, куда её пригласила подруга Марина.

У тёти Марины был муж грек дядя Павел и сын Константин, младше меня года на два. Фамилия у них была прикольная Попандопуло!

В Гаграх я впервые увидела море. Оно показалось мне бескрайним, огромным невероятно. Я так его испугалась! Я умоляла маму не подходить к нему близко! Благо, был не пляжный сезон, никто не купался. Мы с мамой были в демисезонном пальто. У меня было паль-

тишко в клетку: зелёного и горчичного цветов. А у мамы пальто было сиреневого-бордового цвета из ткани джерси.

Домик наших хозяев находился где-то высоко в горах, рядом с санаторием, где дядя Паша работал поваром.

Дядя Паша делал очень вкусные маленькие шашлычки, вместо шпажек он сам строгал из бамбука палочки.

Когда мы ходили на прогулки, мне казалось, что в каждом парке, буквально, разгуливали павлины, пеликаны и индюки.

Как-то прогуливаясь с тётёй Мариной и Костей, молодой кавалер поцеловал меня в щёчку. Я сразу же хотела ему сказать, что он дурак. Но, так как мы были у них в гостях, я постеснялась и ничего не сказала. А тётя Марина воскликнула: «Ой, какая прелесть!» И пристала ко мне, чтобы я в ответ поцеловала её сына. И так умилялась при этом!

Делать было нечего, сжав зубы, я чмокнула Костика в щёку.

Я не любила, когда со мной сюсюкались. Так, мама говорила, приведя меня из ясель, где мы разучивали «летку-еньку» и «Чеботок», чтобы я продемонстрировала домашним всё, чему меня научили в детском учреждении. И я, сжав зубы, ставила руки в боки, выделывала ногами па и пела:

– Чеботок, не ленися

Туды-сюды повернися!

На юге отовсюду неслась музыка. Кто-то пел: «О море в Гаграх! О пальмы в Гаграх! Кто не бывал, тот не забудет никогда!», – больше слов не помню. Но мы купили мягкую-гибкую пластиночку с этой песней, изготовленную на открытке с изображением пальм.

В одном из киосков мама купила себе газовый шарфик-сеточку белолго цвета. Чтобы мне что-то купили, – не помню.

А помню, что в подарок Косте мы привезли вертолёт, который надо было запустить в воздух с помощью какой-то верёвочки, как в мультике про Крокодила Гену! У Чебурашки был такой вертолёт!

Как-то утром я проснулась, а мама высыпала мне кучу ракушек, которые она утром насобираала на берегу Чёрного моря. От неё пахло брызгами, свежестью! Я испытала чувство страха и удовлетворения от того, что всё уже позади и с мамой ничего не случилось.

А мы ведь с Костей и соседской девчонкой Натальей лазали по крышам! Играли так. Чтобы пройти на крышу санаторного ресторана нужно было пройти по тонкой дощечке над пропастью, можно сказать! Ведь мы жили в горах! Наш маленький домик находился выше отеля. С ровной поверхности, которая прилегала к нашей местности мы перебежали по этой дощечке на крышу ресторана отеля и возле трубы, (прямо как в мультике про Карлсона), играли в какие-то самодельные домики.

Помню, Костя боялся идти, а ему было где-то 4 года! Ужас! А мы его с Наташкой подгоняли! Он уронил вниз сандалик. Мы свесили вниз головы, (сколько там было этажей, – не знаю) и ничего не увидели в куче жёлтой листвы. Но чувство опасности я здесь видимо осознала, коли запомнила этот эпизод. Домой Костик пришёл в одном сандалике. Куда смотрели наши родители? Не могу сказать. Но, видимо, ангел-хранитель нас уберёг от беды!

Позже, в 1985 году, мы с Мамой и Инной, моей младшей сестрой, ездили в Сочи и специально съездили на день в Гагры, по адресу, который у нас был, но никого не нашли. Тётя Марина к тому времени умерла раньше времени. А дядя Паша переписывался с мамой какое-то время и пропал. Гагры- столица Абхазии. В то время там происходили военные действия. А так как дядя Паша был греком, то подозреваю, если они не погибли, то бежали в Грецию.

Вообще-то игрушками, одежками меня никогда не баловали. Если купят какую-то дорогую вещь, типа пальто, то обязательно скажут: «Это тебе на день рождения!». Хотя до дня рождения месяца 3-4-6!

Раза два, помню, нам с папой доверили купить куртку и пальто, в разные периоды времени. И что мы отхватили?!

Куртка была болоневой в ромбы: тёмно-сиреневые и чёрные, как у Арлекино! Для маленькой девочки! Но нам с папой понравилось, хотя дома нас сильно критиковали.

Пальто было лягушачьего цвета, длиннущее, с перелиной, с металлическими пуговицами, а-ля шинель! Самое смешное, я его носила с сиреневыми перламутровыми сапогами с чёрной шнуровкой и с сиреневой вязанной шапочкой, с вплетёнными нитями белого кроличьего пуха. А на шапочке мама любила мне пристёгивать брошечки-заколки, в виде красных розочек из пластмассы или вишенки, или жука из янтаря. Жука из янтаря она мне прикалывала и в волосы, для красоты и для того, чтобы чёлка в глаза не лезла.

Кстати, ещё у меня были две такие заколки, вспоминая которые, щемит сердце. Это был букетик из пластмассовых цветочков на золотистой невидимке. Букетик напоминал сирень и был розового или лилового цвета. А в середине цветочков – маленькая жемчужина. Второй букетик-шапочка был белого цвета на золотистой ножке и я эти заколки считала своими драгоценностями.

Зимний вариант моей одежды, до школы, состоял из чёрной шубки, подпоясанной ремнём с солдатской пряжкой, шароваров, надетых на валенки, чтобы снег не залетал внутрь и шапки-будёновки из серой цигейки в чёрные пятнышки. На воротнике шубки мама всегда пришивала мне белую пластмассовую снежинку, которая по сути была ёлочным украшением.

А я сильно завидовала подружке Инне Новичковой, у которой была серенькая беличья шубка, чёрные кожаные сапоги с нарисованными белыми снежинками и ещё красный вельветовый костюмчик, отороченный белым мехом для занятий фигурным катанием. А у дочки тренерши по фигурному катанию была песцовая шапочка с двумя балаболками, завязывающимися под горлом.

Когда были морозы, мне сверху шапки завязывали бледно-оранжевый какой-то суконный шарф, бахрома у которого была толщиной с мои пальцы, наверное. И шарф был такой длины, что мне повязывали его на голову: сверху шапки, пропуская «крест на крест» подмышками и завязывали на спине узлом. Под шапкой был деревенской расцветки дурацкий платок. Варежки были пришиты к резинке и эта резинка надевалась на плечи и просовывалась в рукава. Как говорится, – голь на выдумки хитра!

Когда я приходила домой вся в снегу, раздевалась, выходила на лестничную площадку, (а со мной вместе и две мои подружки: Инна из соседней квартиры и Ольга, которая жила этажом выше) и начинали дубасить шаровары вместе с валенками и рукавицы на резинках о перила. Подъезд гудел и содрогался от грохота наших заледенелых вещей! И мы трое, попрощавшись друг с другом, после этого ритуала, расходились по своим квартирам.

И уж, если вспоминать детскую одежду, то было у меня красное пальтишко, которое я носила где-то с 3 до 5 лет. На спинке у него была встречная складочка, а на круглом воротничке пришиты мамой три маленькие бусинки, тесно прижатые друг к другу, вроде бы белая, голубая и салатная цветов. В воспоминании следующий эпизод: папа несёт меня на руках в этом пальтишке, (меня выписали из больницы, где я лежала со скарлатиной). Мы идём через частный сектор, мимо чьего-то забора, увешанного зелёными шишками хмеля. Я выставила ручонку и перебираю пальцами такие смешные шишечки. Теперь у нас на даче растёт такой хмель вдоль забора.

В яслях был осенний бал. У меня сохранились чёрно-белые фотографии. Я танцую с бумажными кленовыми листьями. Помню, ими был усеян весь пол. Я не просто помню, а кажется ощущаю, как я поднимаю эти листья и кружусь с ними. На мне красное шерстяное платье, на груди у которого пришита тесьма из пушистой бахромы: белая, зелёная, жёлтая. А на подоле аппликация – жёлтый цыплёнок клюёт жёлтые крошки.

А вот старая фотография. Я дома, на табуретке, возле стола с маленькой наряженной ёлкой. Я в белом платье из крепдешина с пышной юбочкой и пышными короткими рукавами-крылышками. На платье зелёные, не то снежинки, не то звёздочки. Фотография конечно чёрно-белая, но я помню все цвета! В руках у меня белая сумочка из кожзаменителя с застёжкой. И сумка вся в крупный золотой горох! У Гурченко в «Карнавальной ночи» была такая блузка!

Лет в 30 я себе купила Чёрный трикотажный комбинезон, где верх с рукавами был выполнен из такой ткани: белая блуза в золотой горох. Золотые горохи осыпались со временем, а я до сих пор ищу такую ткань, чтобы сшить себе из неё что-нибудь!

Когда мне исполнилось 6 лет, мама нарядила меня в садик в красивое прямое красное платье с белыми пуговками, имитирующими застёжку спереди, с белым воротничком и белыми манжетами, по краю которых были белые воздушные петельки-кружева. На голове огромный белый бант. В руках огромный кулёк с конфетами «Медок», которыми я угощала детей в саду. На фантиках были нарисованы соты и пчёлы.

После садика мама повела меня в фотоателье, где сделала мне фото на память: я очень серьёзная подпёрла рукой щеку. Такой портретик до сих пор стоит у мамы в стенке, прислоненный к вазочке. У мамы мне нравилось бархатистое платье, которое все называли ворсола-новое! Фасон не помню, а расцветка была в бирюзово-фиолетовых тонах, плюс белый и сиреневый и всё в цветочках, как-будто густые ветки сирени.

Мама часто носила перешивать в ателье это платье, всё её что-то в нём не устраивало. Но мне было на руку. Потому что из обрезков-лоскутков я шила пупсикам платяца.

Ещё мне нравилось у мамы платье терракотового цвета с серыми пятнами. Вырез был отделан серым широким кантом, как у украинской рубахи и завязывался на серые верёвки с кисточками.

Гуляя в Зоопарке, я не глядя схватила какую-то тётю за руку, которая была в таком же платье, перепутав её с мамой.

Папа, кстати, всегда ходил в светлых коротких плащах. Наверно модно тогда было! А дома ходил без рубашки, в одном синем трико. Зимой, видимо, когда было холодно, носил тельняшку с длинным рукавом.

Во времена моего детства с игрушками было туго, у меня то уж точно! Денег у родителей было мало и игрушки мне покупали редко. Поэтому я помню, практически, каждую. Недавно даже нарисовала свой автопортрет, (срисованный с детской фотографии) и вихрь игрушек вокруг! Это – коричневый плюшевый заводной медведь, который рычал и, запрокидывая назад голову пил молоко из бутылочки, зажатой у него в лапах. Затем, у меня была красная сумочка с прозрачным окошечком, в котором стояла маленькая куколка, как дюймовочка. Да! Была ещё такая механическая игрушка- металлический жёлто-зелёный цветок. Надо было несколько раз пальцем нажать на рычаг этого цветочка и, бутон раскрывался и с громким гудением-жужжанием кружился с бешеной скоростью, давая возможность увидеть сидящую в середине цветка девочку-дюймовочку!

Ещё у меня была маленькая кроватка, в которой под одеяльцем лежал пупсик, а под кроватью стоял горшок. Нужно было в спинке кроватки щёлкнуть переключатель и, спящий ребёнок садился на кровати, (в ногах были какие-то шарниры), а затем на горшок! Человечек был какой-то страшненький. Мама сказала, что эту игрушку сделало общество слепых. Где она её купила, не знаю.

Пупсиков у меня было много... Все хорошенькие! Мы с девчонками шили им одежду из различных лоскутков. Фасоны были у всех элементарные и одинаковые, отличались только тканями и расцветками.

Папа из какой-то обувной коробки сделал мне домик для одного малыша. Он вырезал окошки в коробке, причём с рамами и дверь, которая открывалась и закрывалась. Внутри из

картона были сделаны кровать, стол и табуреточки. Не зря же инженером-конструктором работал!

Помню, мы шли с мамой за руку мимо магазина промтоваров, который в округе все почему-то называли Девяткой, хотя и номер-то у него был другой, – и, говорю ей:

– Вот была бы ты хорошая мама, ты бы мне купила большой дом для кукол! С мебелью, холодильником, кухонной плитой.

А мама мне таким безразличным тоном:

– Вот, когда будешь мамой, то купишь своей дочке, что хочешь. И домик, и печку, и холодильник...

И вот я выросла. У меня нет детей. Но есть двое племянников Вовка и Дианка. И я купила им и покупаю всё, о чём мечтала в детстве. И, думаю, вряд ли они в моём сегодняшнем возрасте вспомнят все игрушки, которые я им купила, как помню я свои.

Так вот, у меня были маленькие немецкие куколки с огромными глазищами. Кудрявые! Хорошенькие, не могу! Вся их прелесть заключалась в том, что туловище у них было маленькое, а голова большая, на ногах у них были резиновые туфельки, снимая которые ножки были без ступней, но со штырьками для туфелек. Конструкция такая! Поэтому обувь мы старались не снимать! И упакованы они были красиво: в прозрачный пластиковый цилиндр-бидончик! Это был шик!

А ещё у меня был белый пластмассовый бидончик для молока с яркой бирюзовой крышечкой и ручкой. Он был маленький, с ладошку, но так мне нравился!

Раньше с бидонами ходили за молоком. Приезжала во дворы цистерна, на которой была надпись «Молоко» и молочница ходила по соседним домам в каждый подъезд и кричала:

– Молоко! Молоко! Молоко свежее!

И все, кому было нужно, спешили купить разливное, а не бутылочное молоко.

Ещё у меня был заводной белый кролик с красным бантиком на шее. Нужно было повернуть ключик у него в боку и кролик начинал скакать. Я так долго упрашивала папу купить мне его. Этот зайка стоил 2 рубля 20 копеек, это считалось дорого!

Также, в этом же магазине, в «Девятке» я упрашивала купить папу телефон, (естественно дисковый, серого – белого цвета) и телевизор розового цвета. Папа сказал:

–Выбирай что-то одно!

И этот вопрос был так для меня мучителен, но я выбрала телевизор. Его прелесть заключалась в том, что его надо было завести ключиком и на экране медленно двигались картинки под музыку, типа шарманки. Ценник – 5 рублей!

А ещё, иногда, я выпрашивала игрушки у бабы Даши (маминой мамы), с которой мы вместе жили. Так она мне купила мозаику и хорошенькую рыжую лисичку с белой грудкой, как из мультика. Может что-то ещё, но не помню больше.

Помню с ней такой разговор:

– Баба! Ну купиииии...

– Нет! У тебя есть matka и батька, нехай они тебе и купють.

– Баба! Ну купи! Они тебе деньги отдадут.

– Да ничего они мне не отдадут!

– Отдадут! Я попрошу!

Вот она купила мне эту лисичку, я счастлива безмерно! Приходим домой.

– Мама! Смотри, что мне баба купила! Дай ей денег! Я сказала, что ты дашь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.